

КРОКОДИЛ

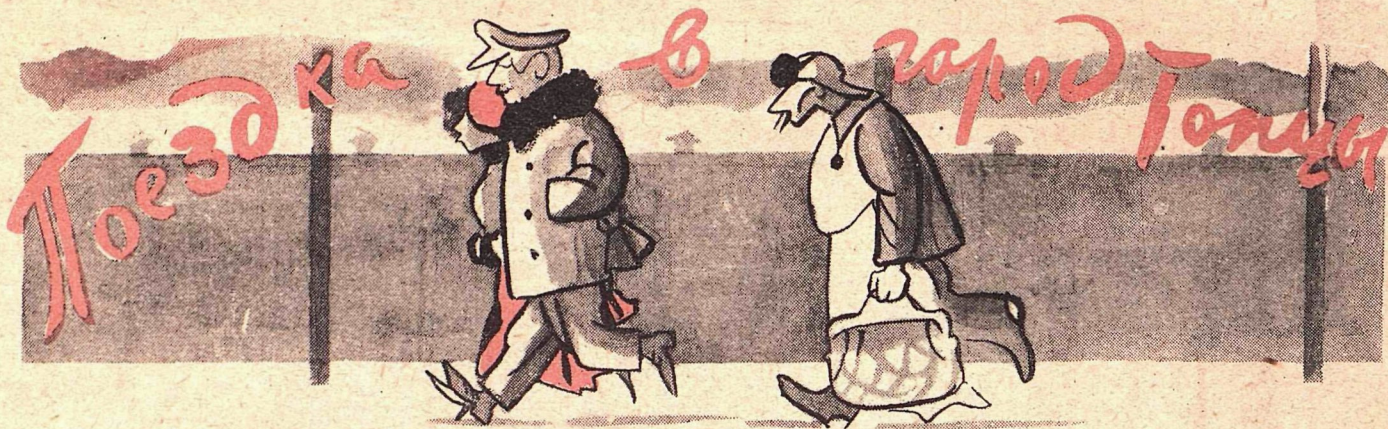
ЦЕНА 40 КОП.

ВЕРХ ВЕЖЛИВОСТИ

Рис. Л. Бродаты

—Никто не сможет обвинить нас, что мы входим в чужой дом не постучавшись...

Вот интересный психологический момент.

Недавно моей супруге понадобилось съездить на периферию.

Там, на периферии, у нее один родственник серьезно захворал. С ним какая-то, что ли, душевная болезнь приключилась. И, значит, растерявшиеся родственники вызвали мою супругу на периферию, в город Топцы.

Конечно, предстоящая поездка взволновала нашу семью. Все-таки, думаем, сложно, хлопотно, билеты доставать и так далее. Но ничего не поделаешь: надо ехать.

Ну, конечно, запаслись на всякий случай разными справками и удостоверениями. Со своей службы я ей тоже достал бумажку: мол, едет по семейно-служебным обстоятельствам. И вдобавок один знакомый хирург дал удостоверение в том, что психические болезни требуют тщательного ухода со стороны родственников. И что он просит пред'явительнице сего оказывать всемерную медицинскую поддержку при поездке на периферию.

И вот с этими документами мы сходили к начальнику станции. Но тот оказался бездушный и негуманный человек, равнодушно относящийся к больным кадрам.

Он сказал:

— Прошу оставить мой кабинет. Никаких билетов я тут не выдаю. Обратитесь в кассу и там покупайте себе билеты, сколько влезет.

Его иронию мы восприняли болезненно и решили тогда воспользоваться одним нашим довольно крупным знакомым, которого мы вообще если и хотели тревожить, то только в самых исключительных и грозных обстоятельствах.

Но этот работник оказался неуловим. Он все время где-то заседал, ездил, и мы его так и не нашли. И даже его супруга не знала, где он бывает.

Тогда моя супруга смоталась еще к одному знакомому, орденоносу, но тот отказался что-либо предпринять.

Тогда супруга решила было послать телеграмму в Топцы с отказом, поскольку все кнопки были нажаты и все связи были использованы, но тут мне пришла старая, но светлая мысль — обратиться к носильщику. И хоть это и нельзя, но я решил покривить душой ради родственного начала. Я решил дать кое-что носильщику, с тем чтобы он мне достал билет в город Топцы.

Я понимаю, что это — преступление перед обществом, но вместе с тем мы нашего заболевшего родственника тоже не в дровах нашли. А он был в аккурат до своей болезни весьма ценным членом общества. Он служил в одном учреждении по хозяйственной части, и — что бы там ни говорили — он приносил посильную помощь в деле построения дальнейшей жизни. И сейчас, поскольку он свихнулся, он, конечно, вправе требовать до себя внимания и ухода.

Этими мыслями я поделился с носильщиком, когда пришел на вокзал.

Носильщик гуманно говорит:

— Честно вам скажу: мне бы не хотелось этим поганить свою душу. Но поскольку налицо ненормальность вашего родственника, то я хочу к этому чутко подойти. А за некоторый риск и услуги я попрошу с вас двадцать рублей. Приходите вечером сюда, и вы поедете.

И вот только я отошел от этого носильщика, чтоб пойти домой, как вдруг вижу: касса. Обыкновенная, представьте се-

бе, дырка в стене, и там кто-то сидит. И вижу надпись: «Касса».

Я на всякий случай подошел туда.

Протягиваю кассиру документы.

Тот говорит:

— Не гычьте мне ваши бумаги, у меня и без того в глазах рябит от множества железнодорожных билетов.

Тогда я рассказываю кассиру о своих мытарствах и о свихнувшемся родственнике.

Кассир говорит:

— Не знаю, как ваш родственник, но ваша ненормальность заключается в том, что вы напрасно нажимали все кнопки и без устали хлопотали: вы можете свободно подойти к моей кассе и можете свободно купить билет в эти ваши Топцы.

Я говорю:

— Мне как-то странно это слышать. Может, говорю, тут какое-нибудь недоразумение? Носильщик, говорю, и тот еле взялся за 20 целковых.

Кассир говорит:

— Красиво на жизнь смотрите, раз можете по двадцать рублей кидать жуликам. Короче говоря, сколько вам надо билетов, чтоб поехать в Топцы?

И тут он щелкает билет на своей компостерной машинке и гуманно мне подает.

Я недоверчиво беру этот билет, и тут мы с кассиром начинаем смеяться и подшучивать.

Потом я говорю:

— Наверно, через пару лет это поразительно что будет. Не только, говорю, в Топцы, а во все места будет — ну просто не вопрос ехать.

Кассир говорит:

— Еще не то будет. Откровенно вам скажу: по своей линии я и то кое-что придумываю. Я, — говорит, — уважаемый товарищ, на каждый купленный билет хочу пассажирам сюрпризки выдавать. Дамам — по живому цветку, а мужчинам — что придется: ну там лезвие для бритвы, расческу, мыльце, брюки... Дальним — какую-нибудь статуэтку или гигиеническую брошюрку. Ну не пройдет мой проект — не надо, а пройдет — так меня, может, даже и к премии представят.

Тут мы попрощались с кассиром и отбыли домой.

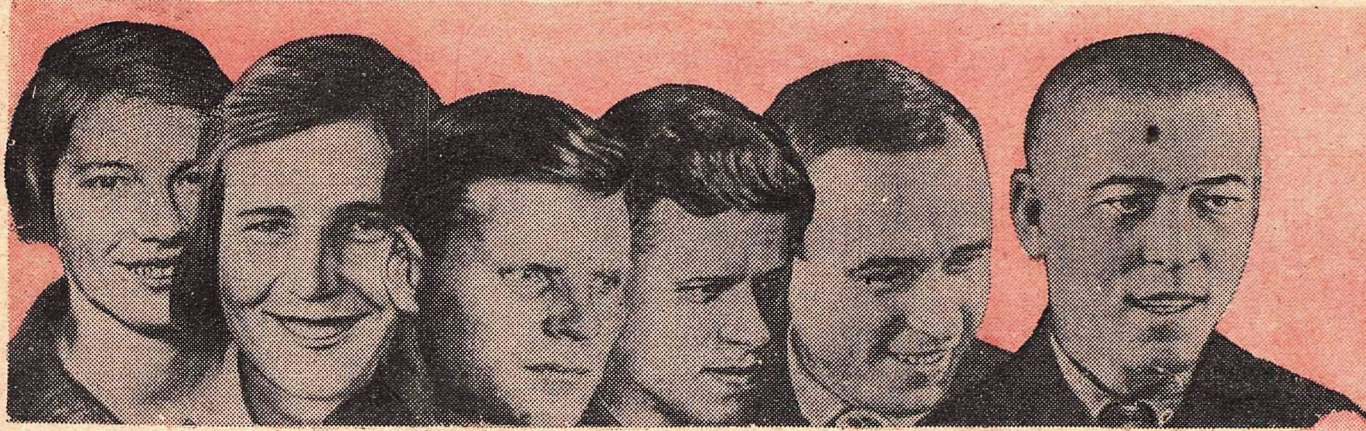
Ну, супруга горячо отнеслась к поездке. Моментально, конечно, собралась и вечером укатила в Топцы.

Конечно, с дороги она прислала очень даже резкое и прямо даже, скажу, грубое письмо, зачем я ей купил билет на этот поезд. Все другие составы свободно, дескать, перегоняют этот поезд для молочниц.

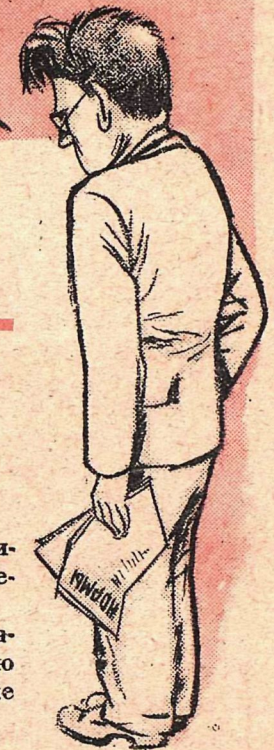
Но по приезде в Топцы ее раздражительность прошла, и она прислала любезную открытку, что у свихнувшегося родственника было временное затмение и что он сейчас снова реагирует почти на все, что вокруг него происходит. И даже просил кланяться и благодарить за проявленную чуткость со стороны родственников.

Пламенный привет ему и пожелания дальнейшего выздоровления, возможного только в условиях бережного отношения!

М. ЗОЩЕНКО

—Все правильно, профессор, только по производительности труда вам придется дать переэкзаменовку.

О РЕВНОСТИ, ТЕЛЕГРАФЕ И ПАРТИЙНОЙ ЭТИКЕ

Когда секретарь Кежемского райкома партии (Красноярский край), Иннокентий Тарасов в жаркий июльский день провожал свою супругу на курорт в Тагарское и нежно жал ей ручку, он и мысли не допускал, что эта кратковременная разлука принесет ему великие неприятности. Правда, его неустойчивое сердце как-то немного сжалось, и появилось непонятное беспокойство.

«Курорт... Разные люди туда собираются, хотя и трудящиеся, — думал он. — Может, она позволит себе всякие вольности вдали от зоркого ока супруга?»

Уже через несколько дней черные мысли лезли в голову, раздражали нервы, работа на ум не шла, терялся аппетит, пропадал сон,—словом, скоро в Тагарское (грязевой курорт) на имя дирекции летела взволнованная телеграмма-молния:

СООБЩИТЕ ПОВЕДЕНИЕ ТАРАСОВОЙ
ТАРАСОВ

Дирекция курорта без всякого бюрократизма шлет обо-
спокоенному мужу беспристрастный ответ:

ПОВЕДЕНИЕ ТАРАСОВОЙ БЕЗУКОРИЗНЕННОЕ
ДИРЕКЦИЯ

С этого и начинается драма, взволновавшая Кежемский район.

Телеграф, как обычно, текст телеграммы переврал и доставил ее ревнивому мужу в таком виде:

ПОВЕДЕНИЕ ВОЛЬНОЙ ТАРАСОВОЙ КУРОРТЕ БЕЗОВРАЗНОЕ
ДИРЕКЦИЯ

Телеграф бросил спичку в бочку с порохом. Произошел взрыв. Оскорбленный и униженный муж сию же минутой принял соответствующее решение.

МОЛНИЯ МИНУСИНСК ТАГАРСКОЕ ТАРАСОВОЙ
С КУРОРТА СВЕДЕНИЯ ИМЕЮ ДРУГОГО ТЫ НАШЛА РАДИРУЮ
РАЗВОДНУЮ ТЫ БОЛЬШЕ НЕ КУЕНА ТЧК ТАРАСОВ

Получилось что-то вроде стихов, но Тарасову было не до поэзии. Взбешенный, он немедленно собрал все вещи из-менницы и пустил их в распродажу, чтобы ни следа воспо-
минания не осталось.

Вещи, конечно, сразу раскупили. В числе покупательниц была и жена замсекретаря райкома партии тов. Побаева.

Но всполошившиеся родственники Тарасовой приняли контрмеры: они в свою очередь молнируют на курорт ничего не подозревающей больной:

СООБЩЕНИЕ ДИРЕКЦИИ ТВОЕМ ПОВЕДЕНИИ ИННОКЕНТИЯ
НАТОЛКНУЛО ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ ВЫЕЗЖАЯ ДОСРОЧНО
МАРТУСА

Неудачная курортница сразу же собралась в обратный путь. А обалдевший ревнивец накинулся на дирекцию курорта:

МОЛНИЯ ДВА АДРЕСА ГРЯЗЕВОЙ КУРОРТ
КОПИЯ ПАРТКОМУ

СООБЩЕНИЮ ДИРЕКЦИИ КУРОРТА ТЕЛЕГРАММОЙ 00/12 ПОВЕДЕНИЕ
БОЛЬНОЙ ТАРАСОВОЙ КУРОРТА БЕЗОВРАЗНОЕ ТЧК ПРОВЕРЬ
ВИНОВНЫХ ПРИВЛЕКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННО
ДЕЯНИЕ РАЗЛОЖЕНИЕ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ СО СТОРОНЫ
ДИРЕКЦИИ ТЧК ПРОШУ РАССЛЕДОВАТЬ ПАРТОРГАНИЗАЦИЮ
КУРОРТА ВЫЕЗЖАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО РУКОВОДСТВА ЭТОГО.
КУРОРТА

РАЙКОМПАРТ ТАРАСОВ

Телеграф постарался «поработать» и над этой, и без того глупой и безобразной телеграммой.

Курортница вернулась к своему взволнованному супругу, но этим драма не закончилась: действие было перенесено в Кежму.

Проданные в пылу бешеной ревности вещи жены Тарасов решил собрать.

— Отдай сейчас же вещи, — заявил он жене своего заместителя Побаевой.

Но купленные вещи никто не согласился возвратить. Поднялся скандал на весь район. Только вмешательство милиции помогло кое-как уладить дело.

Тарасов решил мстить. Пользуясь своим положением и властью в районе, он стал крепко нажимать на непослушных по всем линиям и при всякой возможности, а про своего заместителя теперь сочиняет всякие небывлицы, лишь бы унижить, оскорбить и выжить из его района как свидетеля этой мещанской и отвратительной истории.

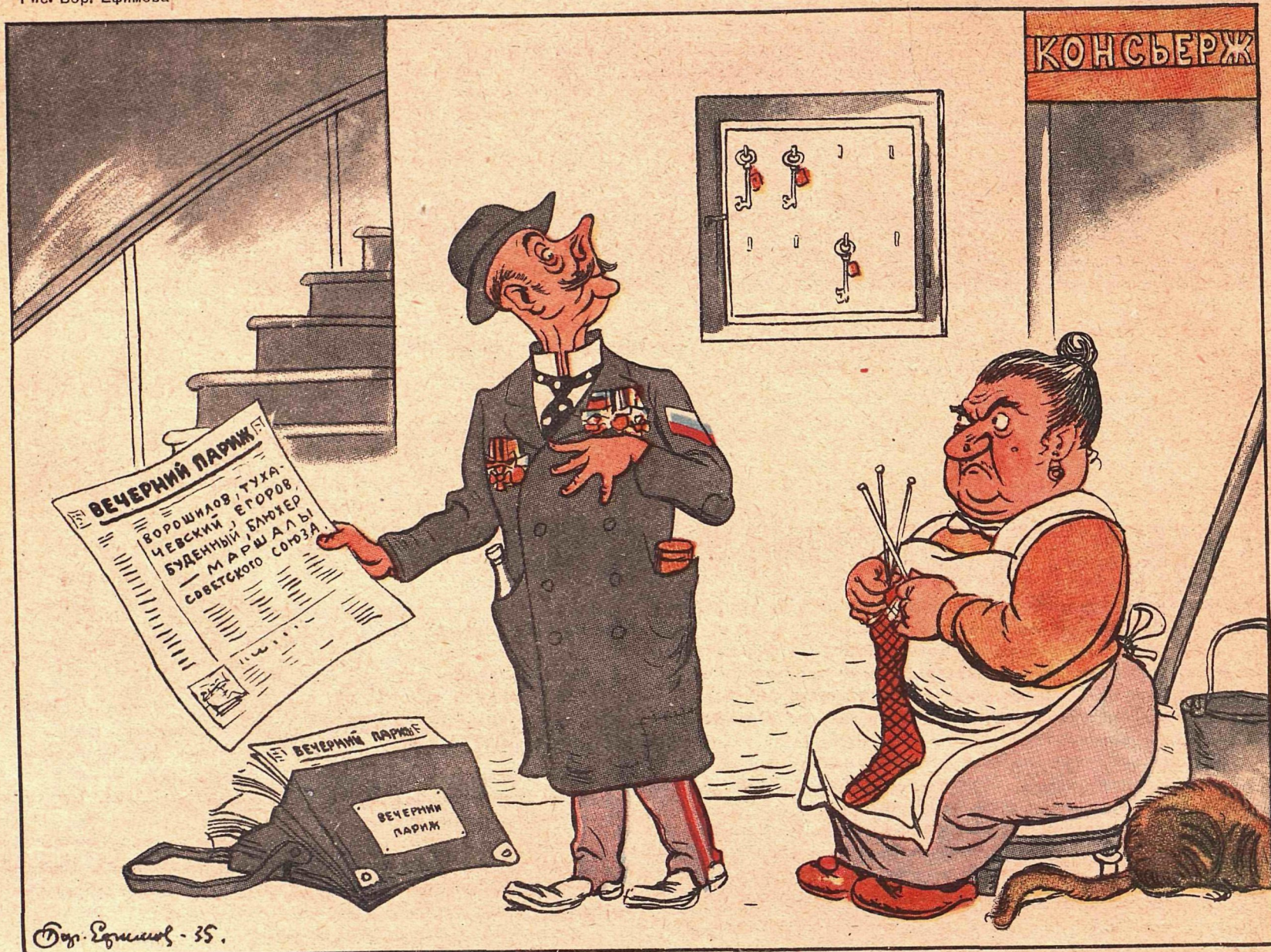
Так телеграфные «ошибки», мягко выражаясь, ведут к таким возмутительным последствиям, для которых отнюдь не хочется придумывать мягких названий.

Красноярск.

ИН. ШАХМАТОВ

ДАЛЕКО ПРИВЕДШЕЕ ЗНАКОМСТВО

Рис. Бор. Ефимова

— Новые маршалы? Ворошилов... Буденный... Знаю, знаю... Встречались!.. В ноябре двадцатого года.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК

Старый пекарь товарищ Пеклеванный сказал мастеру:
— Что же все французские да французские. Будто у нас полета фантазии нет. Разрешите — жаворонков буду печь.
— Да ведь не весна.
— Будто обязательно только весной.
Пеклеванный всю свою смену работал жаворонков.
— Лети, — говорил он, с восхищением втыкая жаворонкам кишмишные глаза.
Через несколько дней Пеклеванный сказал мастеру:
— Палки мне спать не дают...
— Какие еще палки?
— Ну, трости. Еатоны. Разреши — я тросточки буду выпекать...
— Пойдут ли они?
— Как же не пойдут. Я их сдобными, трости, сделаю. Сдобная трость должна идти.
— Ну, попробуем...
Потом Пеклеванный выпекал булки в форме лиры, коней, коров. Как-то принес мастеру булочку и сказал:
— Полет фантазии.
— Чего это?
— «Бюрократ за столом».
— Пойдет ли?

— С анисом должен идти. Надкуси.

Мастер сел «стол».

— Тесто ничего. Боюсь я только, как публика...

— Ничего!

Через три дня мастер вызвал Пеклеванного и сказал:

— Давай все французские. Не берут твоих бюрократов. Так черствыми на полках и остались в булочных.

— Да бюрократ и должен быть черствым. Везде пишут «черствый бюрократ»... Да ладно, буду печь французские... Ну и народ право!..

ВСЕ РАВНО

Он совал левую ногу в калошу. Нога не лезла. Он нагнулся, пальцем выправил задник у калоши и прохрипел:

— Все на шарамыгу делают!.. Век носил 12-й номер, а вот мала. Небрежность, безобразия, торопятся, разные стахановцы, вот оттого и качество...

— Иван Парамонович, — сказал швейцар, — да вы ж на левую ногу калошу с правой ноги надеваете.

Иван Парамонович обождал, пока швейцар переставит калоши, с пристуком надел их и прохрипел уходя:

— Все равно ник-куда!..

В. ТОБОЛЯКОВ

НА ХУДОЙ КОНЕЦ

Долгое время Маргарита Викторовна считалась портнихой. Но когда окончательно стало невыгодно пользоваться наемным трудом мастериц, то при этом выяснилось, что, собственно, шить Маргарита Викторовна сама не умеет. У нее только «вкус».

Как особа энергичная Маргарита Викторовна, однако, не растерялась.

— На худой конец, — сказала она, — я всегда найду что делать. Например, вы знаете моего Джипси? Необыкновенно умная собачка. На худой конец — я уже думала — с ним можно выступать в цирке. Если его немного подучить... Тем более, он уже и сейчас почти что дрессированный... Да вот, посмотрите сами... Джипси!

Жиреющий белый Джипси подбегал к хозяйке и глядел на нее влажными черными выпуклыми глазами. Он лениво зевал и нехотя подавал лапку, служил, прыгал через стул, держал на носу сахар, лаил и умолкал по приказанию.

А Маргарита Викторовна восторженно мечтала.

— Не правда ли, готовый номер? Да? Я просто уже представляю себе, как это будет. Я себе сделаю специальный туалет: у меня вкус. Я выхожу на арену. Музыка. Публика аплодирует. Я улыбаюсь. Сбрасываю манто. Потом даю знак. Из-за кулис выбегает Джипси. У меня вкус: на Джипси очаровательная шлея. Вся из лент. Банты здесь, здесь и на хвосте...

Места, на которых у Джипси предполагались банты, Маргарита Викторовна показывала на себе. Потом следовало описание номера.

Вскоре Маргарита Викторовна побывала в цирке со специальной целью: освежить в памяти номера с дрессированными животными. Вернулась она из цирка ободренная и довольная. Говорила:

— Ничего такого, что бы Джипси не мог, я в цирке не видела. Правда, собак не было. Были попугаи и львы. Попугаи кувыркаются, это нам ни к чему. А то, что делают львы, для Джипси очень легко. Только я не хочу ни стрелять в него, ни хлопать бичом. И потом эта клетка — она, наверное, дорогая и не портативная.

Четыре дня Маргарита Викторовна репетировала с Джипси под рояль (играла соседка Клавдия Карповна) и бегала по учреждениям, добиваясь разрешения выступить перед квалификационной комиссией.

Наконец, назначили день выступления. Маргарита Викторовна надела специально (со вкусом) перешитое платье и с соседкой Клавдией Карповной и с Джипси под мышкой на такси поехала в клуб, где заседала комиссия.

На клубной сцене было грязновато. Артисты ждали своей очереди выступать. Из темного зрительного зала строгим голосом кричал секретарь квалификационной комиссии.

Маргарита Викторовна несмотря на свою энергию заробела, завокнулась. Джипси, чуя недоброе, тоже стал дрожать и все норовил лизнуть хозяйку в лицо.

— На худой конец, — шептала Маргарита Викторовна Клавдии Карповне, — на худой конец я возьму любую категорию. Лишь бы, так сказать, пробиться в артисты. Я им даже обещаю, если меня пропустят, докупить к Джипси еще двух белых крыс и тоже их того... дрессировать...

Секретарь из зала крикнул:

— Товарищи Онегин и Ленский, выступать! Приготовьтесь — Маргарита Трэжолы, дрессировка.

Маргарита Викторовна задрожала и сказала:

— Трэжолы — это я. Псевдоним, так сказать... Традиции артиста... сти... сти... стического мира...

Джипси стал тихо скулить.

Но вот пианист закончил шумный отыгрыш куплетистам Онегину и Ленскому. Надо было идти. Клавдия Карповна двинулась к роялю. Маргарита Викторовна с любезной grimасой обратилась к унылому чечоточнику, который стоял рядом:

— Гражданин, не откажите в товарищеской просьбе: подержите мою собачку, пока я выйду и поклонюсь публике...

Чечоточник молча протянул руки. Отдав Джипси, Маргарита Викторовна пошла на сцену. Клавдия Карповна заиграла польку.

И тут сердитый баб завопил:

— А, чорт! Ты кусаться? Вот я тебе!..

— В чем дело? — повысил голос секретарь. — Соблюдайте тишину!

— Собака! — заявил чечоточник, высовываясь из-за кулисы.

— Что — собака?

— Кусается, я извиняюсь. Вот...

Чечоточник показал красный от крови палец и скрылся за кулисой.

— Давайте! — кивнул головой секретарь.

Джипси давно уже жался к ногам Маргариты Викторовны. Она восстановила на лице улыбку и начала:

— Сперва, дорогой Джипси, дай мне лапку.

Встревоженный фокс крутился на месте и никак не реагировал на приказание.

— Лапку, Джипси, ну? Лапку!

Фокс нервно зевал и вздрагивал.

— Ну не хочешь лапку, — нашла Маргарита Викторовна, — давай сделаем более трудный фокус. Слу-жи!

Фокс вертелся и дрожал.

— Слышишь, Джипси, служи! Ну?

В зале засмеялись.

— Джипси, подумай, кому это я говорю «слу-жи»? Тебе или нет?

Послышался смешок и за столом комиссии.

— Джипси, мгновенно начинай служить!.. Ах, ты не хочешь?.. Хорошо. Попробуем с другого конца. Вот тебе сахар, но не смей его есть...

Собака действительно не дотронулась до сахара. Маргарита Викторовна, облегченно вздохнув, продекларировала:

— Ага! Ты уже начинаешь слушаться. За это можешь теперь съесть сахар. Можешь!

Джипси отвернулся от сахара и громко икнул. Кто-то в зале сквозь хохот крикнул:

— Смотрите: лужа... Ой, не могу, сейчас умру от смеха!

— Джипси! Это кто сделал? У?.. Но все равно. Сюю же минуту ешь сахар, — надрылась Маргарита Викторовна. — Ешь! Я кому говорю? Мгновенно ешь сахар!

Собака, почуввав грозные ноты в голосе, легла на спину, обнаружив незащитный, голый живот.

— Ешь сахар! Ешь! Ты будешь есть или нет?.. Ах, так!

И Маргарита Викторовна звонко ударила собаку по животу.

— Вот тебе! Вот! Вот!

Сыпались удары. Собака выла. Покрывая своим голосом хохот, секретарь крикнул:

— Не бейте собаку! Гражданка, сейчас же перестаньте бить!

— Не бейте! — жалостливо попросил член комиссии. — Ну, я вас прошу... Лучше мы вас завтра примем.

— Ветеринара бы сюда! — завопил кто-то.

Теперь уже стоял такой грохот, что не слышно было, как скулил Джипси, уползая за кулисы. Маргарита Викторовна, задыхаясь от ярости, шла за собакой и пинала ее ногой. Так они и ушли.

На улице Джипси несла Клавдия Карповна, а Маргарита Викторовна шипела:

— На худой конец я могу его отдать собачникам. У него шкурка, а сейчас меха в цене...

У Джипси были закрыты глаза, и он трясся мелкой дрожью.

В. АРДОВ

МИХАИЛ ЦВЕТКОВ, РАБКОР КРОКОДИЛА

Поздно ночью 1 июля закончился субботник работников Тальского лесозаготовительного пункта по выпуску леса для Березовой гавани. Все, кроме счетовода Михаила Цветкова, решили ввиду позднего времени заночевать в кошеве возле гавани. Только Цветков, которому к утру необходимо было быть в конторе, решил на лодке отправиться домой — за семь километров от гавани. Когда он проезжал мимо кошевы, его окликнул заведующий конным обозом Горенский. Он сказал, что передумал ночевать здесь и поедет с Цветковым домой.

Меньше чем через час Горенский вернулся обратно в кошеву.

— Слишком темно, — сказал он, — невозможно ехать. Я решил вернуться.

— Ну что — туз? — спросил у Горенского заместитель прораба лесозаготовительного пункта Хильчевский.

— Туз, — ответил Горенский.

Они оба довольно улыбнулись и легли спать.

А Цветков в эту ночь так и не доехал до дому и бесследно пропал.

Через тринадцать дней его труп был обнаружен у берега острова, против села Шелехова, находившегося ниже в тринадцати километрах от гавани Березовой.

Цветков был похоронен без следствия, без вскрытия, без гроба, в чрезвычайно экстренном порядке. Ни у кого из местных властей не возникло ни тени сомнения. Милиционер, приехавший производить дознание, после двукратной обильной выпивки с руководством лесозаготовительного пункта уехал к себе в район убогатворенный и без какой-нибудь тени сомнения о причинах и обстоятельствах смерти Цветкова.

29 июля редакция Крокодила, деятельным и активным корреспондентом которой являлся Цветков, получила от его родителей письмо, излагавшее предположения, что Цветков умер насильственной смертью и что убили его за то, что он через Крокодил разоблачал темные махинации, проделывавшиеся на лесном пункте, где он работал счетоводом.

Редакция в тот же день обратилась к заместителю прокурора Союза тов. Рогинскому, который отдал восточносибирскому прокурору распоряжение расследовать это дело в самом срочном порядке.

С 11 по 13 ноября в районном центре Тайшете под председательством тов. Калюцкого, при государственном обвинителе краевом прокуроре тов. Фридберге происходило заседание военного трибунала, разбиравшего дело об убийстве рабкора Крокодила тов. Михаила Цветкова.

Перед судом предстали подстрекатель убийства прораб Тальского лесозаготовительного пункта Швайков, кулацкий сынок Горенский, заместитель прораба Хильчевский.

На суде полностью подтвердились все разоблачительные корреспонденции Цветкова, в которых он сообщал о систематическом воровстве, о самоснабжении, многочисленных подлогах, пьянках и бытовом разложении руководства пункта.

На суде полностью подтвердилось, что убийство Цветкова планомерно готовилось и что Цветкова неоднократно избивал Швайков за то, что он «лез не в свое дело».

На суде полностью во весь рост выросла замечательная фигура неутомимого, бескорыстного, бесстрашного рабкора, знавшего, какой опасности он ежедневно и ежеминутно подвергается, разоблачая классовых врагов, засевших на лесозаготовительном пункте, знавшего, что корреспонденция, прибывающая на его имя из следственных органов, вскрываются и что, следовательно, те, кого он разоблачает, знают об этом и ждут только удобного случая, чтобы расправиться с ним.

13 ноября военный трибунал после семичасового совещания приговорил: организатора убийства Швайкова и убийцу — кулака Горенского — к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией всего имущества. Хильчевский приговорен к восьми годам заключения в исправительно-трудовой колонии, с конфискацией имущества.

Коллектив редакции Крокодила, тысячи его рабочих и крестьянских корреспондентов и многие сотни тысяч его читателей склоняют свои головы перед свежей могилой товарища Цветкова, который в далекой, сибирской, глухой тайге, под постоянной угрозой быть убитым из-за угла, бесстрашно боролся с классовыми врагами, жуликами и перерожденцами, расхищавшими народное имущество, подрывавшими авторитет советской власти, мешавшими нам строить светлую, радостную, счастливую жизнь.

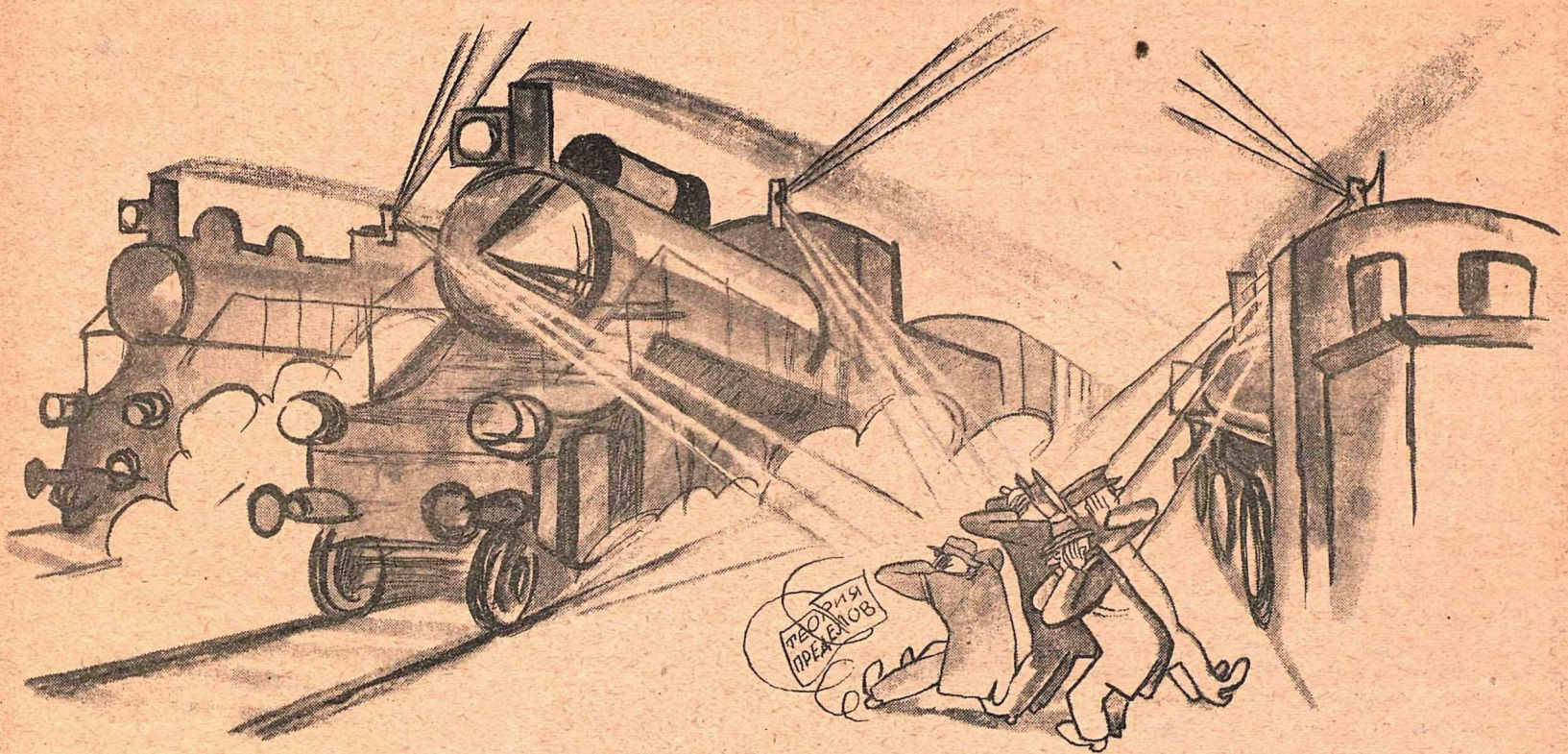

Мы, нижеподписавшаяся молодежь деревни Георгиевки, колхоза „Красный животновод“ Тальского совета, Тайшетского района, Восточносибирского края, даем настоящий отзыв относительно Цветкова Михаила Павловича, который прожил в нашей деревне с 1925 года до настоящего времени, т. е. до самой своей безвременной смерти. Все прожитое время Цветков Михаил Павлович был активным работником по культурпросвету, а также примерным гражданином, всегда вел себя честно и аккуратно, за что и был принят членом нашего общества и колхоза, в чем и подписуемся.

Молодежь колхоза „Красный животновод“.

Прораб Татьяна Кельце, ч.
 Козаков Егор Иванович
 Сурганов Иван Иванович
 Сурганов Иван Иванович
 Ф. Жинина
 Понякин, Ф. М. Л. Тригорин

Андреев Понякин М. И. Кельце
 Мухоморова М. Степанов
 Андреева М. Степанов
 Павлов, Ф. Павлова, Ф. Шинников
 Макаров М. Степанов
 Мухоморова М. Степанов

ОСВИСТАННЫЕ ТЕОРЕТИКИ НИЗКИХ СКОРОСТЕЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(п и с ь м а ч и т а т е л е й)

Дорогой Крокодил!

Нашему колхозу «Власть советов» заведующий Д. Константиновского райзо Журухин прислал такое отношение: «Выделить на курсы трактористов двух человек, из них 40% женщин».

За вычисление 40% колхозниц засело все правление колхоза. Как ни высчитывали, не выходило целой женщины без дроби. Так и не знаем, что решить. Помогите!

АЛЕКСАНДР ГРАЧЕВ

Горьковский край.

Дорогой Крокодил!

Как-то незаметно, среди деловых будней, город Баку очутился в бурных волнах Каспийского моря. Подобную же вещь проделал и Стамбул, перекочевав на самую середину Черного моря. Ленинград оказался несколько скромнее и только подвинулся ближе к Ладожскому озеру. Что же касается Мурманска, то его окончательно не удовлетворило прежнее место и он быстро и резко вклинился в Се-

верный полюс. Все эти сведения были сообщены мне моим сыном, который в качестве документа показал мне карту их географического учебника «Физическая география СССР». Эта карта напечатана в типографии Геокартпрома, в Москве.

Очень прошу тебя, если за время, пока к тебе дойдет мое письмо, Кострома переедет в Аргентину или Нью-Йорк окажется соседом Рязани, извести меня об этом. Я передам сыну, чтобы мальчик мог смелее разбираться в тайнах географии.

И. СКВОРЦОВ

г. Людиново,
Западной области.

Товарищ Крокодил!

Ты наднях выпустил номер о «Хорошем тоне», в котором почему-то забыл упомянуть о том, как следует вести себя за чайным столом. А советы такого рода были бы весьма не бесполезны и не только периферийному читателю, а и московскому. У нас, например, в буфете Тормозного за-

вода нет чайных ложек. Скажи, пожалуйста, как же в таких случаях должен поступать воспитанный человек: размешивать чай пальцем или ножом? Без конкретного руководства в этом запутанном положении мы просто растерялись. Так как же?

Рабочий Тормозного завода
А. НИКОЛАЕВ
Москва.

Дорогой Крокодил!

6 ноября мы, мурманские радиослушатели, не без удивления выслушали подробную и обстоятельную беседу дикторов и исполнителей нашей радиостанции обо всех бытовых подробностях их жизни. Мы узнали о том, у кого из них плохие квартирные условия, кто рассчитывает купить джемпер, кто какие сорта колбас предпочитает, а также кто за кем собирается ухаживать. Сначала мы предполагали, что это какая-нибудь особо оригинальная инсценировка на злободневные темы, но вскоре выяснилось, что это просто сошлась в студии дружеская компания дикторов и испол-

нителей, весело и мирно беседующих, забыв выключить микрофон.

Нельзя ли нас избавить от таких радиопередач, мало дающих уму и сердцу.

В. КОЖИН.

Мурманск.

Дорогой Крокодил!

Не удивляйся, если ты в садгородской школе № 9 увидишь босых учеников. Не думай, что это результат обувного кризиса. Это просто административный восторг директора школы Аркадьева, который категорически приказал всем ученикам снимать ботинки и ходить босиком, чтобы не грязнить школу. Ты понимаешь, что в холодное осеннее и зимнее время ходить босиком не очень весело, но мы счастливы уже тем, что строгий директор не обратил внимания на нашу одежду. А вдруг он велит сидеть нам голыми?

А. ЗЕМКОВ

Магнитогорск.

Утро вежливого человека

Скэтч КОНСТАНТИНА ФИННА

Квартира Ивана Ивановича Иванова, человека средних лет, жизнерадостного, ответственного. Утро. Иван Иванович торопливо пьет чай, напротив него сидит Петр Петрович Петров, человек средних лет.

Иван Иванович. Сюрприз, приятный утренний сюрприз. Сколько лет же выдалось! Вдруг открывается дверь, приходишь ты... Боже мой, думаю, чорт возьми, думаю...

Петр Петрович. Так как же все-таки: боже мой или чорт возьми?

Иван Иванович. Узнаю тебя, приходиру. Конечно, чорт возьми (Задумывается.) Нет, пожалуй, все-таки боже мой. Мы, антирелигиозники, говорим это по привычке, ничего тут особенного нет. А чорт возьми — это грубость, от которой давно уже пора отказаться.

Петр Петрович. Ну уж какая там особенная грубость...

Иван Иванович. Нет, милый, грубость. Она была уместна раньше, теперь мы выросли. Растем, Петя, растем. Вот я вчера перед тем, как лечь спать, закурил по обыкновению папиросу и подумал: «Боже мой, как я вырос! Как мы все растем. Какая эпоха!» Да вот грубость, например, — это же наследие проклятого прошлого: подвалы, грязь, вонь, нищета; отцы, работавшие в шахте за тридцать копеек в день.

Петр Петрович. Но, насколько мне кажется, твой отец не работал в шахте, он, кажется, был провизором?

Иван Иванович. Ну какой он, к чорту, виноват, был провизор! Он, в сущности, был рабочим человеком, грубым, замученным жизнью. Помню, как сейчас, его большие руки, его угреватое лицо, его печальные глаза. Помню, как сейчас, он подозвал меня к себе, погладил своей большой рукой по голове и сказал: «Ты смотри, Ваня, смотри».

Петр Петрович. Да, это действительно...

Иван Иванович. Ну вот видишь, мы на чистых скатертях не ели. Но теперь мы выросли. Вежливость, вежливость, вежливость! Вот сейчас, например, я должен сказать жене, что не люблю ее и что развожусь с ней. Ну, понимаешь, так случилось: люблю другую, люблю ее просто, по-рабочему, без всяких затей. Между прочим, очень хорошенькая: серые глаза — умереть! Очень скромная. Познакомились семнадцатого. Восемнадцатого утром — еще никакого ответа, восемнадцатого вечером — никакого ответа, девятнадцатого утром — никакого ответа, и только двадцатого в полдень она сказала мне: «Да». Глубокая и скрытная натура. Между прочим, некрашенная. С крашеными вообще, Петя, надо быть осторожным. Я тут недавно был влюблен в одну. Прихожу как-то раз — что-то там у ней с краской случилось: или сорт не тот

или, может быть, дефицит, не знаю, — только выходит ко мне не та женщина. Чувствую, пропадает любовь. Скандал, конечно, еле ушел. Да, так вот сейчас надо сказать жене, что я развожусь с ней. И я скажу ей это вежливо, корректно. Помню я, когда раньше разводился, бывало, всегда скандал. Я ей скажу одно слово, она мне — три. Она мне три — я ей двенадцать. А все из-за чего? Из-за грубости. Теперь я вырос. Вот сейчас увидишь, как все мирно обойдется. Сейчас я ее позову. (Кричит.) Саша!

Входит Александра Александровна Александра Александровна. Что ты кричишь!

Иван Иванович. Прости, прости, моя голубка. Разреши тебя познакомиться: мой старый друг Петр Петрович. Мы можем при нем говорить все. Ну что же, Саша. Возьми себя в руки: то, что должно было случиться, случилось. Жизнь не всегда представляет собой цветущий сад.

Александра Александровна. Что ты хочешь сказать?

Иван Иванович. Ты можешь быть уверена, что я не забуду тех счастливых часов, которые мы провели вместе. Я знаю, ты безумно меня любишь.

Александра Александровна. Раньше любила, а вот когда поняла, какой ты человек, какой ты грубый, нечестный, мерзкий...

Иван Иванович. Говори, говори, ты не заставишь меня сказать тебе грубость. Я так вырос, Саша.

Александра Александровна. Что же ты хочешь сказать мне.

Иван Иванович. Я умоляю тебя, моя голубка, не волнуйся. Я люблю другую. Мы расстанемся друзьями. Ты уйдешь, а я буду глазами, полными слез, провожать тебя.

Александра Александровна. Куда же я пойду? Мне некуда идти. Подожди, я устроюсь.

Иван Иванович. Спокойно, спокойно, моя голубка! Мы растем. Ты ведь прекрасно знаешь, что квартира эта моя, что она дана мне как члену правления промыслового кооператива. Зачем же в такие торжественные и, я бы сказал, горькие минуты растревлять раны?..

Александра Александровна. Ну куда же я пойду?..

Иван Иванович. Спокойно, спокойно, моя родная. Я уже договорился с Марией Петровной: она уступает тебе

Минуты

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:

— Ты такая!
— Ты такой!
— Ты плохая!
— Ты плохой!
— Уезжаю в Ленинград...
— Как я рада!
— Как я рад!!

Дело было на вокзале.
Дело было этим летом.
Все решили. Все сказали.
Были куплены билеты.
Паровоз, в дыму по пояс,
Бил копытом на пути.
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.
...— Уезжаю в Ленинград...
— Как я рада!
— Как я рад!!
Но когда...
(Чудак в фуражке
Поднял красненький флажок,

маленькую комнатку около кухни. Мы растем. Только спокойно.

Александра Александровна. В эту комнатку я не могу переехать: она без окна, там вонь от кухни.

Иван Иванович. Я прошу тебя, голубка, не волнуйся. Что бы ты мне ни сказала, я все равно буду вежливым с тобой. Я вырос. Ты ведь прекрасно знаешь, голубка, что при моих связях я тебя завтра же вышвырну отсюда к чортовой матери.

Александра Александровна. Я не уйду... Меня защитят. Я прожила с тобой семь лет.

Иван Иванович. Уйдешь, голубка!

Александра Александровна. Нет, я всем расскажу, кто ты.

Иван Иванович (кричит). Уйдешь, сволочь!

Александра Александровна (в слезах). Я не могу с тобой разговаривать. (Уходит.)

Иван Иванович (в иступлении кричит ей вслед). Выгоню, мерзавка! (Петру Петровичу.) А, какова?! Я взволнован, во мне опять проснулся отец-рабочий. Обидно, честное слово,

Случай

Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег.)
Но когда...
(Двенадцать двадцать.
Бьет звонок: один, другой.)
Надо было расставаться...

— Дорогая!
— Дорогой!
— Я такая!
— Я такой!
— Я плохая!
— Я плохой!
— Я не еду в Ленинград...
— Как я рада!
— Как... я рад!!
Я стоял, как пень на взморье...

В этом лепете двоек
Я узнал и смех
И горе
Мук своих
И мук твоих.
ИОСИФ УТКИН

Петя. Ну для чего расти, для кого проводить крупнейшую работу над собой. (Смотрит на часы.) Боже мой, опаздываю. Поедем со мной, прошу тебя. Ты увидишь еще, как я вырос. Теперь уж я ни за что не отпущу тебя, пока не покажу, как я вырос. Машина внизу. Поедем.

Петр Петрович. Поедем, пожалуйста.

II

Кабинет Ивана Ивановича. Обстановка обычная. Иван Иванович и Петр Петрович.

Иван Иванович. Сейчас ты увидишь. Сейчас уволю на твоих глазах счетовода Перышкина. Лезет не в свое дело, что-то такое против меня затевает, для этой цели даже сделался ударником. Ну я его сейчас и уволю. Раньше, когда я еще не так вырос, всякое увольнение было сопряжено с шумом, со скандалом, с криками. Я грубил, мне грубили. А теперь, вот увидишь, человек будет уволен и даже благодарить будет.

Перышкин. Вы меня звали?
Иван Иванович. А, товарищ Пе-

рышкин, очень рад, садитесь, пожалуйста.

Перышкин. Спасибо. (Садится.)
Иван Иванович. Да что вы в это кресло сели; оно неудобное, вот это помягче. Папироску...

Перышкин. Что вы за мной ухаживаете? Сами же на прошлой неделе сказали, что я мелкая сошка.

Иван Иванович. Я очень вырос, товарищ Перышкин, с тех пор. Так вот, товарищ Перышкин, нам вместе в учреждении оставаться нельзя: или я или вы — так стоит вопрос. Решайте.

Перышкин. Ну как же я буду решать? Вы член правления, а я счетовод.

Иван Иванович. Нет, нет, товарищ Перышкин, решайте, решайте. Мы выросли. Решайте, кто должен уйти. (Подходит к Петру Петровичу, тихо.) Каково?

Перышкин. Мне, право, невозможно решать этот вопрос.

Иван Иванович. Решайте: я или вы должны уйти?

Перышкин. По-моему, вы.
Иван Иванович. Что?!

Перышкин. Дела вы не знаете, я вам скажу откровенно, дела запутаны, на самокритику плюете, а я работаю по-настоящему, так что, я полагаю, вам и придется уйти.

Иван Иванович. Я, конечно, понимаю, товарищ Перышкин, ваше волнение.

Перышкин. Я совершенно спокоен — я остаюсь.

Иван Иванович. Я, собственно, не понимаю даже, что вы такое говорите. (Разгорячился.) Да вы знаете: кто я и кто вы? Вы что: идиот, или недоносок, или кретин?!

Перышкин. С вами говорить нельзя. (Уходит.)

Иван Иванович. Каково? А? Ну для кого расти, для кого проводить крупнейшую работу над собой?

Петр Петрович. Ты запутался во всем. Вежливость, брат, не поможет. У нас это сейчас не проходит. Да и вежливость твоя липовая...

Иван Иванович. Да кто ты такой, чтобы так говорить члену правления промысловой кооперации?

Петр Петрович. Я писатель. Ты мне дал хороший материал для фельетона. Прощай. (Уходит.)

Занавес.
КОНСТАНТИН ФИНН

Работа и Медведь

(басня)

Медведь, ленивый по натуре,
Был мало склонен к физкультуре,
Но он, признаться, этим жил:
Физкультурработником служил.
К сезону зимнему готовясь,
Он разработал план на совесть.
Не отыскал он новых форм,
Но в план включил медведь прилежный
И лыжный спорт, и конькобежный,
И даже сдачу зимних норм.
Медведь не даром ел свой корм!
План уточнялся понемногу...
Вдруг наступили холода.
Медведь, кряхтя, залез в берлогу
И план свой тоже взял туда.
Пришла зима, запели вьюги...
Был план намеченный не мал.
И, размышляя на досуге,
Медведь над планом задремал.
(А у медведя был обычай:
Коль задремал, так и заснул.)
Вдруг слышит он потоков гул,
Жужжанье мух и гомон птичий...
Медведь стряхнул обрывки сна:
— Ну, так и знал!.. Уже бесна!..

Мораль сей басни:
Перед спячкой
Бумагу попусту не пачкай.
ВЛ. МОГОЛЬ

Зеркало и Обезьяна

Мартышка, в зеркале увидев образ свой,
Подняла от восторга вой:
— Я выгляжу отлично
И сложена антично!
Что за осанка! Что за взгляд!
Улыбка — чудо! Носик — диво!
Совсем не так я некрасива,
Как обо мне повсюду говорят!
В чертах лица не вижу я из'яна...
Да я совсем не обезьяна!
Я красотой своих манер
Заткну за пояс всех Венер!
Теперь я буду жить в покое...
Спасибо, зеркало, что ты такое!

Ужель мартышка так мила, нежна,
стройна?

Пустое!
Она
Смотрелась в зеркало кривое!
МИХАИЛ ПУСТЫНИН

Обиженный

Были получены точные сведения о том, что Егоров не заботится, совсем забыл о своем отце. Вызвали Егорова:

— Не хорошо. Вот вы, товарищ Егоров, управделами треста, прекрасно зарабатываете, а совсем забыли о своем отце.

— Кто забыл?! — возмутился Егоров. — Я забыл об отце? Это ж провокация! Да вы сами, сами-то припомните. На любой чистке, на любой перерегистрации, в любой автобиографии я постоянно вспоминаю своего отца...

И действительно: припомнился стол, графин с водой, Егоров легонько ударяет себя в грудь и горделиво обращается к собранию:

— У меня, товарищи, происхождение... «на отлично». Я, товарищи, сын старого пролетария. Мой отец, товарищи, воевал еще с царизмом. Мой отец...

И сейчас Егоров топтался и обиженно повторил:

— Я забыл своего отца?! Не такой у меня отец, чтоб его забывать!.. Что он кулак или дьякон, что ли?!

В. ТОБОЛЯКОВ

МИНУС ТЕКСТ

(„СВЯТЫНЯ БРАКА” ЛАБИША В МОСКОВСКОМ МЮЗИК-ХОЛЛЕ)

Содержание старого французского фарса обычно такое.

Жан любит Мари и поэтому прячется в шкаф. В шкафу уже сидит неизвестный зубной врач, приехавший из Африки, который оказывается не врачом, а дядей. Дядя выходит из шкафа, переодевается на всякий случай судомойкой и лишает наследства Жана, пожилого жениха Мари. Тот в панике объявляет себя племянником, хочет ехать в Африку, поддерживает падающие брюки, но потом овладевает собой, переодевается бабushкой и наглухо запирается в шкафу. После этого дядя оказывается не дядей, его целует в лысину полная рыжая вдова, шкаф выносят, Мари наскоро выходит замуж за Жана, и все поют.

Лабешевские фарсы не очень сильно отличаются от такой схемы. И в «Святыне брака» есть все, что полагается от фарсового канона: и шкаф, и Африка, и дядя—не дядя, и поцелуй в лысину, и все поют.

Но мы не хотим вставить в позу трибунов и громить Мюзик-холл за постановку Лабеша. Мюзик-холл ищет своих путей. На поиски всегда полагается скидка. А тем более—на труднейшие поиски в области веселого жанра.

Люди хотели дать веселый спектакль и совершили производственную ошибку.

Англичане говорят:

— Не надо поднимать муху подъемным краном.

Новая дирекция Мюзик-холла начала с подъемного крана: из Мюзик-холла убрали аттракционы. Театр пошел на стилизованную постановку. Постановщик Н. П. Акимов спугал в такую торжественную минуту Лабеша с Мольером и не пожалел своего таланта на оформление углой лабешевской фабулы. Остроумный режиссер Р. Г. Корф, привыкший вести актера по веселому тексту, ухитрился выжать из зрителя одинокие смешки даже при по-

мощи тусклого перевода устарелого фарса.

И вот начался подъем лабешевской мухи при помощи подъемного крана.

Муха оказалась рекордно тяжелой. Поднимать ее пришлось путем длительных физических усилий и рискованной гимнастики.

Долго и упорно катался по полу Б. Тенин—Мюзероль,— которому нечего было играть. В редкие перерывы Тенину попадался кусок сносного текста, актер наскоро блестяще отыгрывал его и с тоской поглядывал по сторонам:

«Куда бы теперь упасть, куда бы теперь свалиться?!»

Лихо катался по полу маркиз Хинесо—Мартинсон. Ходил колесом, проделывал ориентировочные сальто и с грустью, наверное, подумывал:

«Эх, кабы аттракционы ввести, а мне бы поиграть, что ли...»

Значительно лучше их чувствовали себя Океанос и Ермолаева, игравшие собак Мюзероля. Счастливый случай освободил их от текста, и они весело и бессловесно прыгали по сцене, чувствуя уважение и преданность зрителя.

И постановщикам, наверное, с ними было легче.

Собака—она такая: пусти ее по

полу, она и ходит. Для нее пол—это, так сказать, творческий плацдарм.

А как усадить и уложить других актеров на пол, чтобы спасти лабешевский фарс?

Ну хорошо, фабрикант Гаргаре лежит четверть часа на полу в раздумье. Так ему и надо, представителю крупного капитала. Ну хорошо, один маркиз нырнул под пол в поисках уборной. Пусть его ныряет, представитель родовой аристократии. Ну хорошо, лесопромышленник Мюзероль свалился на пол сначала с кушетки, а потом—от удара палкой по голове. Так ему и надо, не лесопромышленничай. Но ведь когда-нибудь надо же актерам и встать на ноги и заговорить, а говорить нечего.

В прежние времена, когда появлялись на сцене статисты, изображавшие толпу, слов им не давали, а статисты переминались с ноги на ногу и сумрачно галдели:

— Что говорить, когда нечего говорить... Что говорить, когда нечего говорить...

Моментами казалось, что актеры, игравшие «Святыню брака», тоже соберутся в унылую группку и робко спросят у зрителей:

— Что говорить, когда нечего говорить?

А зрители, наверное бы, ответили с легким вздохом:

— Не мы же писали же... Не мы же ставили же...

И были бы правы.

Не стоит в «Вишневый сад» вставлять велосипедистов и жонглеров. От этого проиграют и «Вишневый сад» и велосипедисты. Но так же не стоит и Мюзик-холл лишать аттракционов и мюзик-хольной специфики. От этого проигрывают и сам театр и его зрители.

За производственную ошибку не бьют. Только не надо, чтобы она повторялась.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ЗАТЯЖНОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ОТДЫХ

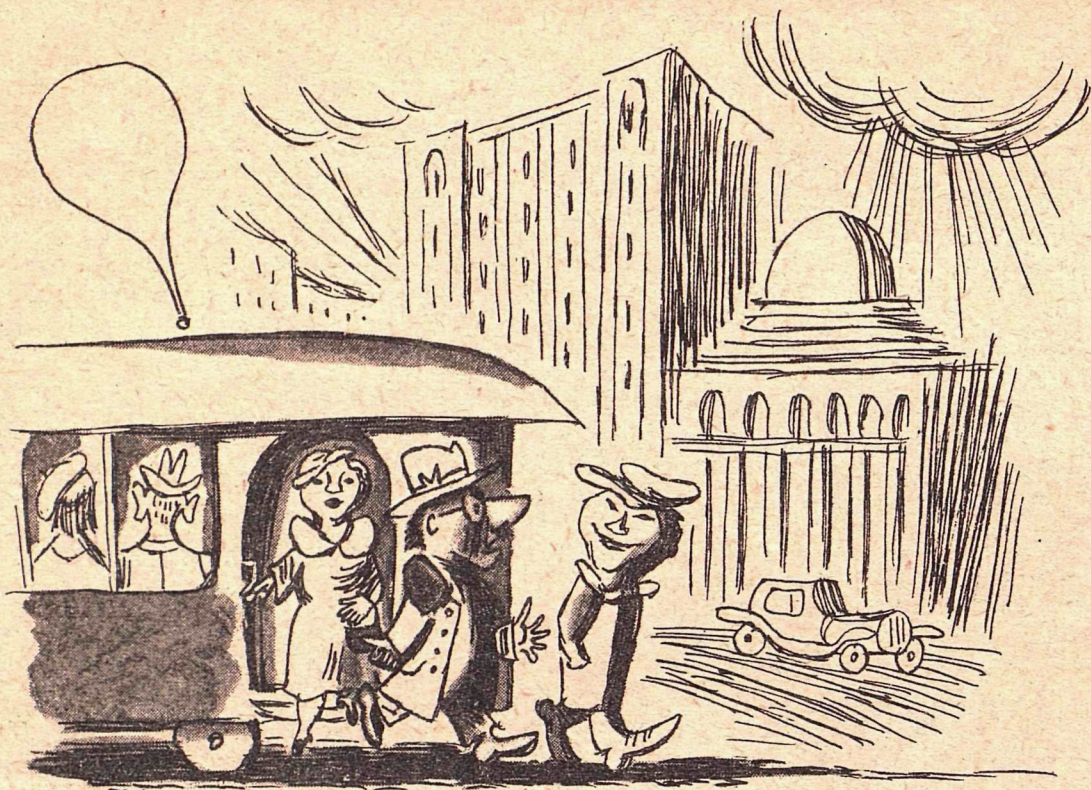
Рис. Кукрыниксы

Чемпион затяжного отдыха тов. Файнзиммер, режиссер Белгоскино. Ухитрился за 2½ года не поставить ни одной картины, чем заслужил тихую популярность на фабрике и незаметно вошел в историю кино. За 2½ года забраковал все предложенные ему для постановки сценарии, найдя их несозвучными своей мятущейся творческой душе. В настоящее время готовится к новой зарядке отдыхом.

КУЛЬТУРНЫЙ МУЖЧИНА

Рис. Б. Малаховского

— Безобразия! Хамы! Всю дорогу не могли уступить место даме!
— Вы же сами тоже сидели?
— Да, но моя жена стояла.

М О Д А

Это был молодой человек скромной внешности.

— Садитесь! — коротко сказал я.

Передо мной лежало письмо девушки — стон молодой души, который вызвал к общественности.

Я спросил:

— Вы знаете эту подпись? — и прикрыл верхнюю часть письма.

— Знаю! — молодой человек опустил голову. — Мурочка Взякина.

— Мурочка! — с жесткой улыбкой проговорил я. — Да, Мурочка! Девушка, сердце которой вы подожгли и затем бросили, не заботясь о том, куда отнесет от него пепел. Его отнесло сюда, к нам, в редакцию.

— Между нами ничего не было, — глухо уронил он.

— Вот как?! — насмешливо сказал я. — Между вами ничего не было? Недоставало, чтобы вы ее бросили посреди улицы с двумя новорожденными, кричащими: «Папа, вернись!»

В смущении он не заметил, что новорожденные не закричат «Папа, вернись!» даже общими силами.

Я продолжал:

— Вы только скомкали ее душу, прозрачную и доверчивую, оставив на ней рубцы, которые никогда не изгладятся.

Я взял приложенную к письму фотографию девушки.

— О, боже мой! — прошептал я одними губами. — Этот лучистый взгляд! Эти черты, эти линии! Этот невинный рот. Эти брови, бархатные как у соболя! Эти темные кудри... — я подавил рыдание. — Эти ноги, стройные ноги девушки — все это теперь смыто холодно и жестоко.

Он не спросил, как можно смыть ноги девушки. Для этого он был слишком подавлен.

— Молодой человек! — громко сказал я. — Я не безжалостен. Я не моралист и не фарисей, требующий применения у нас «брейк-ов-энгэджмент» — американского закона, который карает молодых людей за нарушение слова, данного девушке. Но я хочу, прежде чем пригвоздить вас к столбу, спросить: что вас толкнуло на этот жестокий шаг? Чем вам могла досадить эта картина юности? — я взял его за руку. — Это олицетворение всего, что трогает даже меня, в моем возрасте... Взгляните на эту карточку! — я протянул ему карточку.

Его пронизал ток.

— Да, это она, — едва проговорил он. — Она подарила мне эту карточку, когда мы с ней познакомились. Вот ее надпись: «1934. В. Т. от М. В.» — «Вале Тужилкину от Мурочки Взякиной».

Он уставился жадным взглядом на карточку.

— Надеюсь, что это не последняя ее карточка? — сухо сказал я.

— Первая! — закричал молодой человек криком смертельно раненого. — Такой я ее полюбил! А вот!..

Он полез в боковой карман и дрожащей рукой вынул бумажник.

— А вот ее последняя фотография, — прошептал он и уронил на стол карточку. — Прочтите.

«1935. В. Т. от М. В.», — прочитал я на обороте карточки. Почерк был тот же.

Я повернул лицом карточку.

— Это тоже она! — выдавил он со стоном.

По его глазам было видно, что он не лгал.

Но фотография утверждала другое. На ней было оттиснуто существо, видимо, молодое и, конечно, женского пола. Я положил рядом карточки... Да! Может быть, он и прав. Это существо — та же девушка.

Но почему у нее вместо глаз две оловянные пуговицы, вместо бровей — пара слюнявых ниточек? Рот как червонный туз — красный на меловом фоне. На одной щеке дохлые волосы, на другой — берет, поддерживаемый шпилькой и ухом... Может быть, есть и нос, если судить по дырочкам.

— Посмотрите на юбку, — прошептал он.

Я отложил карточку.

— Расскажите мне эту историю, — попросил я и протянул ему портсигар. — Может быть, мы что-нибудь для вас сделаем.

Он полюбил девушку.

Он полюбил ее не только за ее внешность, но и за ее душу. Вернее, за то и другое вместе. Он не был ювелиром и не знал, что здесь играет больше: камень или оправа.

Черные искры в ее голубых глазах он принимал за отблеск жизни и юмора, не думая об игре света, разбиваемого бровями-экранами; темные кудри — за ночь, встревоженную непокорным духом; яркий румянец — за знамя юности.

Первой пропажей у него была ее волосы. Сначала их цвет, а потом и кудри.

Он умолял, чтобы она показала ему парикмахерскую, а главное — мастера, чтобы застрелить его на улице. Девушка доказала ему, что мочального цвета волосы, пестрые, с черным корнем и «перманент» — дань хорошему тону и моде.

Потом вдруг исчезли ноги. Их скрыла юбка, длинная, органически неопрятная. Она трепалась внизу, нахлестывая прекрасные линии мускулов, и когда девушка шла, бойко швыряясь пятками, от ее ног оставалась лишь пара носков, завернутых вокруг щиколотки.

Но самым жестоким ударом было исчезновение бровей. Оно не только потушило лучистые глаза девушки, но отдало ее всю во власть парикмахера. И лицо, которого раньше смели касаться лишь ее руки и его губы, стало площадкой для упражнения молодчиков, как борода инженера и шея грузчика.

И главное — это было непоправимо! — так утверждала она в ответ на его истерики. Если теперь отпустить брови, на месте которых остались эти припухлости, они разрастутся, разлезутся во все стороны и сделают ее лицо похожим на голову жесткошерстного фокстерьера.

— Отдайте мне ее прежнюю карточку, — тихо сказал молодой человек, — и сделайте со мной, что хотите, помещайте ее последнюю фотографию. Тогда меня все поймут. В печати или где-вы там знаете.

Я сдался на его просьбу.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

РЕЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Недавно случилось на нашей реке интересное происшествие с одним бакенщиком по фамилии Подломаев Егор. Не знаете такого? Здоровый, рыжий мужик. Один глаз косит.

Так вот этот бакенщик вечером со своей старухой выехал на плес зажигать бакены. Старуха за адмирала сидела на руле, Егор — на веслах. Ехали молча, не ругались. Слава богу, двадцать лет вместе прожили, иной раз можно и помолчать.

Вдруг егорова старуха, оглянувшись на берег, бросила руль, страшно побледнела и каким-то прямо петушиным голосом заявила:

— Егор! Наша хата горит!

Бакенщик присмотрелся — батюшки-светы! Действительно полыхает. А уже стемнело на реке. Вот-вот сверху к перекату подойдет пароход, а бакены не освещены. Что делать?

С минутку поколебавшись, Егор Подломаев плюнул на свой речной долг, повернул лодчонку к берегу и приналег на весла.

Старуха в голос ревет и зубами стучит. Егор выражается по-речному. Едут. Вдруг бакенщик сразмаху стопорит лодку.

— Вертай назад! — кричит Егор на свою старуху. — Едем бакены зажигать.

— Егорушка, — стонет в ответ старуха, — одних юбок бумазеевых три штуки погибает!..

— Наплевать, — кричит бакенщик, — на твою бумазею! Пусть горит! Я все сразу подсчитал. И страха у меня не стало. Домишко нам новый построят. И премию обязательно выдадут за геройство. За все с лихвой заплатят... Я скажу, что у меня новая шуба сгорела. На лисьем меху, воротник барашковый.

У старухи слезы моментально высохли. Она мигом все сообразила и спокойно говорит:

— Я тоже скажу, что у меня шуба сгорела. Верх суконный, воротник сунсовый. Шалью.

Подумала и прибавила:

— И с обшлагами.

— На самовар заявку сделаю, — мечтает Егор, — и патефон потребую.

— И я скажу, — откликается старуха, — про ботинки. На резинках, скажу, сгорела пара. И туфли новые, лаковые.

Занимаются они этой интересной арифметикой, весла и руль бросили и не замечают, что лодку несет по течению. А на берегу полыхает вовсю. И пароход гудит. Подошел к перекату, а бакены не освещены.

— Я скажу, что платье сгорело, — говорит старуха и с восторгом смотрит на пожар, — шелковое. С кружевами. Как у трактористовой Авдотьи. За все заплатят, за все!

— Ты не очень нажимай-то, жадина, — замечает Егор, — а то наговоришь такого, что ничего и не дадут. На

что тебе, старой дуре, шелковое платье с кружевами?

— А тебе, образина, лисья шуба за чем? Подумаешь, какой диспетчер нашелся. Откажись от шубы, тогда и я от платья откажусь.

Поднялась у них в лодке большая руготня на эту тему. Егор за весло схватился, старуха на него багром.

— И как такого подлеца земля терпит! — кричит старуха. — В кои веки родная жена собралась шелковое платье спалить, а он кидается. Откажись от шубы, ирод!

А на берегу полыхает еще жарче. И пароход надрывается, гудит возле самого переката. Стоит на якорях.

Егор опомнился первый. Взялся за весла и стал грести к перекату.

Зажгли они кое-как бакены. Капитан с парохода кричит им:

— Почему бакены не горят?

— Бакены потому не горят, что у меня дом на берегу горит, — отвечает Егор.

Капитан ему в ответ:

— Это нас не касается. Если бы бакены были освещены, тогда ты был бы герой. В местном масштабе. А теперь я все равно доложу по начальству, что простоял целый час у переката по вине бакенщика. За это тебя по головке не погладят.

Наконец, поплыл Егор со своей старухой домой. Гребет и сам себя утешает:

— Ничего. Отбрешусь как-нибудь. Вылезу в герои. Все равно дадут премию.

Причалили они к мосткам, вылезают и видят: мальчишки развели на берегу большой костер, сидят, картошку пекут и побасенки рассказывают. Пожара никакого нет. Хатенка егорова стоит целая и невредимая. Пес Полкан, увидев хозяев, машет хвостом и радостно лает. Старуха не знает: нето ей плакать, нето радоваться. А Егор думает про капитановы слова, огорчается и со злости пинает Полкана ногой.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ВЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Рис. А. Топикова

— Да... Люди в шубах... На улицах снег... Истопник в отпуск уехал... Видно, зима установилась...

ЗНАКОМЫЙ КАМЕНЬ

(НОВЫЙ ФИЛЬМ «ЛУННЫЙ КАМЕНЬ». ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНФИЛЬМ)

На плакате — горный пейзаж; высота около трех тысяч метров. Два человека: старик и молодой с маузером.

На деле «молодой» старше. Но старик — простодушный русак, стареющий сообразно с возрастом, а молодой — иностранец. Иностранцы в кино редко меняются. Негодяи в особенности.

И с тем и с другим вы знакомитесь в самом начале картины, в городе Петербурге. Молодые геологи прославляют Попова, нашедшего далеко в горах «лунный камень». Для почина молодые геологи добрых пятнадцать минут оглушают вас песнями.

Появляется иностранец. Он негодяй. У него слишком прилизаны волосы, чтобы под ними могла жить совесть. Он представитель страны-монополиста на рынке «лунного камня»; он хочет купить Попова. Геолога постигает несчастье: образцы «лунного камня», которые он привез, по дороге прокисли. Его объявляют жуликом.

Через двадцать лет мы его встречаем учителем в советской школе. Он опустился и так оброс, что его лучше бы вывернуть на тулуп дворнику. Но ему предлагают повторить прогулку за «лунным камнем» по знакомой дорожке.

Организуется экспедиция.

Надо вам знать, что геологи — молчаливый народ. Но с появлением звукового кино они буквально сорвались с цепи.

С того момента, как показывается первый верблюд, — очень корректный артист — трое

геологов и радист начинают петь бодрые песни, которые преследуют вас до закрытия экрана.

Вам их энтузиазм близок. Но они работают в окружении врагов, раздражать которых опасно.

Вы, вероятно, видели «Семь сердец» — немую картину; там также были геологи. Среди них была молодая девушка, которая сбросила паранджу, чтобы устремиться за нефтью. В остальном они работали одинаково. У них также были враги и друг, местный энтузиаст-юноша, и он и они в халатах.

Халат — очень сильное киносредство: он делает опасней порок и действеннее добродетель. Суньте ему в рукав нож, и вас начнет колотить от страха. Но зато, если внутри халата — друг, местный энтузиаст-юноша, он для вас сделает больше чем тридцать энтузиастов в брюках. С момента, как он взялся, все планы врагов начинают осыпаться как яблоки.

В нем есть не только слепой героизм, но и чуткость. Он верит в Попова, хотя остальная компания подозревает в нем опытного очко-втирателя. Когда юноша повисает на веревке над пропастью и белобандит перестреливает эту веревку, юноша, может быть, растерявшись, и падает. Но там, где другого ожидала бы неминуемая смерть, его спасает энтузиазм.

В «Семь сердец» предающие экспедицию проводники подкупаются баями, а здесь — иностранцем; в этом большая свежесть. Белобандиты подрядились уничтожить всех геологов, но вместо того их истребит отряд, вызываемый в последний момент радистом.

Участвующий в киноэкспедициях радист — всегда комик.

В «Семь сердцах» это киноамплуа пытались поднять до трагедийных высот.

Затерянный в раскаленных песках радист умирает от жажды. «Пить!» — призывает он голосом, от которого расплакались бы шакалы; публика оживает... «Пи-ить!!» — он катится под откос, зрители катятся за ним со смеху.

Они правы. Мы знаем, что у затейника есть еще шанс, который волеет в него жизнь, выдохни он как стручок гороха.

Но камень надо искать.

Попову продолжают не доверять, хотя старик поет бодрые песни резко фальшивым голосом. Оскорбленный старик уходит.

Он карабкается по скалам и льдам, сопровождаемый только энтузиастом-юношей. Он у цели.

Появляется иностранец с белобандитами. Юноша ускользает.

Смотрите плакат! Иностранец поднимает на старика маузер.

Попов мог бы напомнить ему, что за те двадцать лет, какие они не виделись, старел только он, а иностранец стриг волосы и купоны. Но у старика лучший выход: он указывает на приближающийся во весь дух славный отряд пограничников.

Публика аплодирует. Не старику, не режиссеру, не сценаристу, а пограничникам.

Иностранец стреляет в Попова в упор, забывая, что такого превосходного старика убить невозможно.

Прекрасные снимки!

А кроме того в Московском художественном кинотеатре, прежде чем этот фильм начнется, вам покажут номер киножурнала «Советское искусство», посвященного пляскам народов Советского союза.

Вот это искусство!

После этого, если вы не любитель пейзажа, можно спокойно пойти домой.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ОЧЕРЕДНОЙ ВРАГ

Рис. Л. Бродаты

— Знаешь, Фриц, с чем должен бороться истинный немец?
— Конечно, знаю! С аппетитом.

ГРАЖДАНИН В АВТОБУСЕ

В автобусе гражданину наступили на ногу. Девушка в голубом берете отвела взор от книги и ласково улыбнулась пострадавшему:

— Извините, товарищ. Автобус дернул.

Причина была уважительная. Автобус дергало часто, как в икоте, но гражданин решил обидеться и зашипел о грубости молодежи:

— Эта молодежь, видите ли, сдает нормы на «ворошиловского стрелка» лишь для того, чтобы уметь прицелиться своей ногой в чужую ногу. И обязательно в автобусе. Читает эта молодежь книги, носит голубые береты и значки различные, а культурнее не становится. Одним словом, «наша» молодежь...

Слово «наша» гражданин произнес с особым акцентом, растягивая слова.

Пассажиры отворачивались от ипохондрического гражданина.

Но ему никто не возражал. И он продолжал отравлять настроение злым шопотом.

Через несколько минут гражданин стал пробираться к выходу. Ему поспешно уступали дорогу.

Останавливаясь, автобус вновь икнул, и гражданин, потеряв равновесие, грузно опустил сапог на ногу старушки.

— Ай, господи! — вскрикнула старушка.

— Ну чего вы орете? — сурово спросил ее гражданин. — Разве не видите, автобус дернул.

А. ВАЙНЕРМАН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

БАРАНЬЯ ЭКОНОМИЯ

Представьте себе, что вам принесли в подарок брюки.

— Помилуйте, — благодарите вы, — зачем же вы потратились... Не надо бы...

— Да пустяки, — ухмыльнулся даритель, — какая там трата. Всего 120 рублей 10 копеек.

— Ну вот видите: 120 рублей и еще гривенник.

— Так я с вас все сразу не возьму. Сейчас гоните 30 рублей, к первому — 40, а остальные вещами отдать можете...

Вряд ли вы будете с умилением смотреть на такой подарок.

На слете сахановцев Минераловодского паровозного депо и его подсобных предприятий произошло буквально то же самое.

Ударников решили премировать брюками и фуражками.

А когда собрание встретило это премирование благодарными аплодисментами, встал один из наиболее бойких администраторов и заявил:

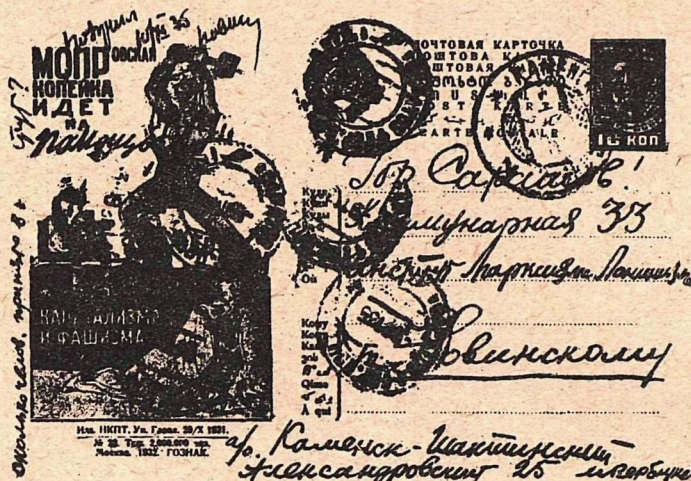
— Только не думайте, что это бесплатно. Ударников надо поощрять. Поэтому премии мы им выдадим, но стоимость их будем вычитать из жалованья. Понятно?

После такого заявления новых аплодисментов не было.

— Чудаки, — наверное, обиделся администратор. — Чего еще надо? Ведь я же с них не двойную сумму вычитать буду, а только по себестоимости...

РЕКОРДИСТ НАРКОМСВЯЗИ

Обнажите головы, читатели, перед этим, далеко не одиноким странником, который три года передвигался из Каменска в Саратов.

Израненное штемпелями, прошедшее дебри безвестных почтовых отделений, не раз висевшее над пропастью мусорных ящиков, это письмо побило все рекорды затычного передвижения. Его предшественники доходили до адресата с молниеносной быстротой: в какие-нибудь полтора — два года. Ура, Наркомсвязи!

„ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ КАРТОЧКА“

О некотором, более чем оригинальном подходе к вопросу о хранении партийных документов очень красочно и образно говорит следующее объявление, помещенное в № 91 газеты «Лунинская коммуна» (Куйбышевский край):

Найдена кандидатская партийная карточка за № 91569 на имя Боброва Ивана Мамонтовича, считать действительной.

Полагаем, что если эта карточка принадлежит кому-нибудь из работников редакции, ответственному за помещение такого объявления, действительной ее считать не следует: не по хозяину карточка.

БАННЫЕ КОВБОИ

В Гусь-Хрустальном развился особый вид нехудожественной самодельности на почве банной проблемы. По словам «Рабочего края», в единственной городской бане, где на 37 тысяч ориентировочно мощищихся единиц числится 70 тазов,

«имеется 136 ящиков для одежды. Они не запираются. Не удивительно, что ежедневно бывают кражи. Предприимчивые люди теперь ходят в баню с инструментом: берут с собой молоток, клещи, гвозди. Оно надежнее, когда заколотить ящик. А после можно вытащить гвозди клещами».

И действительно: много ли могущейся единице надо? Заколотить при помощи несложного набора инструментов ящик, прибил большим гвоздем таз, чтобы не скрали, положил собаку около своей мыльной пены, чтобы лаяла, когда будут тащить, и помылся. Типичный комфорт в местном масштабе!

„ДЕЛО О СЕМИ ЧАСТЯХ СВЕТА“

Работник кисловодской городской пожарной команды Станишевский был исключен из союза и снят с работы за то, что на политзанятиях заявил, что имеется пять частей света, а не семь, как утверждал политрук пожарной команды Майфегов.

Об этом случае Крокодил довел до сведения читателей. Центральный комитет союза рабочих пожарной охраны сообщает, что тов. Станишевский на работе восстановлен и за вынужденный прогул получил компенсацию в размере 2 тысяч рублей.

КОЛЛЕКТИВНЫМ СТРАХОВАНИЕМ ЖИЗНИ ОХВАТИМ ШИРОКИЕ МАССЫ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Организуем страхование жизни в своем коллективе!

При коллективном страховании каждый застрахованный платит от 50 коп. до 3 рублей в месяц. Застрахованный при потере трудоспособности от несчастного случая или семья застрахованного в случае его смерти получают единовременное пособие от 500 до 3000 руб.

Только своевременная уплата взносов дает право на получение страхового вознаграждения.

Не забывайте в срок вносить сборщику платежи по страхованию жизни.

За справками обращаться в комиссию содействия госкредиту и сберегательному делу своего предприятия или в страховую инспекцию при районном финансовом отделе.

